

- mirovoy voyny / T.A. Kornienko // Kaspiskiy region: politika, ekonomika, kultura. – 2009. – № 2. – S. 62-69.
14. Kubanskije Vedomosti. – 5 avgusta– 1916. S.3
 15. Kubanskije vedomosti. – 1916. – 16 dekabrya. – S.3.
 16. Kubanskije vedomosti. – 1916. – 4 oktyabrya. – S.3.
 17. Porshneva O.S., Mentalitet i sotsialnoe povedenie krestyan, rabochikh i soldat v gody Pervoy mirovoy voyny / O.S.Porshneva. – Yekaterinburg, 2000. – S. 108.
 18. Pocheptsov G.G. Kommunikativnye tekhnologii dvadtsatogo veka / G.G. Pocheptsov. – M., 1999. – S.280-285.
 19. Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskij arkhiv (RGVIA). – F. 1308. – Op. 1. – D. 21721. – L.6.
 20. Severokavkazskiy kray. – 1914. –27 avgusta. – S3.

«ОБРАЗ ВРАГА» КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА (НА МАТЕРИАЛАХ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Корниенко Татьяна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент

Филиал Кубанского государственного университета
293500, Российская Федерация, г. Армавир, 8-й микрорайон, 6/4
E-mail: kornienkota@yandex.ru

В этой статье автор акцентирует внимание на трансформацию «образа врага как формы политического мифа в политической культуре населения России в годы Первой мировой войны. В военное время образ врага становится важной составляющей идеологии и пропаганды, которая внедрялась властью в общественное сознание. Кризис власти способствовал преобразованию образа «внешнего врага», под которым понимались противники России в Первой мировой войне, во «внутреннего врага» – представителей консервативных и праворадикальных политических сил.

Ключевые слова: миф, политическая пропаганда, «образ врага», «внутренние враги», «внешние враги», политическое сознание, политическая культура

«IMAGE OF THE ENEMY» AS A FORM OF SOCIAL AND POLITICAL MYTH (ON MATERIALS OF RUSSIA DURING THE WORLD WAR FIRST)

Kornienko Tatyana A., Ph.D. (History), Associate Professor

Branch of Kuban State University
6/4 8th Mikrorayon, Armavir, 293500, Russian Federation
E-mail: kornienkota@yandex.ru

In this article of the author is focused on the enemy image as a form of social and political myth and its transformation in the political culture Russian population during the World War First. Political preferences were changed due to worsening of political and social situation in the country. The governmental crisis caused the transformation of the enemy image from the outside enemy as the enemies of Russia to the inside enemies as conservative and right – radical forces.

Keywords: The myth, «image of enemy», «the inside enemies», «the outside enemies», political culture, political consciousness, political propaganda

В 2014 г. исполнится 100 лет с начала первому глобальному кровопролитному конфликту в истории человечества – Первой мировой войне. Это эпохальное по своей значимости и трагичности событие не зря называют «забытой войной старой России». А между тем, это беспрецедентное по масштабам военное противостояние предопределило весь последующий ход мировых событий, включая Вторую мировую войну. К сожалению, связанные с анализом явлений и событий 1914–1918 гг., оказались на дол-

гие десятилетия в тени революционных катастрофичных для России дат. Эпохальность явления демонстрировали лишь страны Запада, реанимировав идеологический потенциал победных реляций. А между тем именно Россия, которую союзники называли «паровым катком», измотала противника и создала прочный фундамент для заключения Версальского мирного договора, лаврами которого она так и не воспользовалась.

Историческая память не должна носить избирательный характер. Это несправедливо по отношению к тем, кто был опален порохом Первой мировой или погиб, защищая свое Отечество. Отраднo, что в последнее время происходит восстановление значимости этого события в Российской истории. В 2012 г. в календарь памятных дат внесена и утверждена новая дата – 1 августа – День памяти русских воинов, павших в годы Первой мировой войны. По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина: «В этом году отмечается 100-летие начала Первой мировой войны. Впереди – 70-летие Победы в Великой Отечественной войне, столетие Февральской и Октябрьской революций. Эти даты имеют большое общенациональное значение, причем все они, – какие бы оценки мы им ни давали, это факт».

Одним из перспективных исследовательских направлений в изучении Первой мировой войны выступает ее символический аспект, одним из форм которого выступает «образ врага».

Образ врага выступает как разновидность социально-политического мифа, который основан на эгоистичном интересе, он имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению зон влияния и захвату власти. В расширительном смысле «образ врага» был неотъемлемой частью политики на протяжении всей истории человечества. «Образ врага» укореняется в политическом сознании в трудные для общества времена, когда власть теряет легитимность. Он наполняется различным содержанием в зависимости от исторических и социально-политических условий. Формирование и внедрение в политическое сознание образа врага всегда соответствовало психологической обстановке обязательного наличия виновников социально-экономических трудностей в стране, потере легитимности властных структур, военных поражений. Образ врага выступает как разновидность социально-политического мифа, который основан на эгоистичном интересе, имеет в своей основе стремление отдельных политических групп к расширению зон влияния и захвату власти [3].

Под «образом врага» подразумевается «идеологический и психологический стереотип, позволяющий строить политическое поведение в условиях дефицита надежной информации о политическом оппоненте и о среде в целом» [12, с. 234]. С идеологической точки зрения образ врага – символ, имеющий конкретное содержание, под которым пропагандисты создают психологический стереотип в массовой сознании. По А.В. Фатееву «образ врага» – идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей группы общества [19].

Е.В. Сенявская характеризует «образ врага» как проблему восприятия противника, отношение к которой является частью более широкой историко-психологической проблематики «мы и они», «свой – чужой» [16]. «В пределах вооруженного конфликта проблема обостряется до предела, выступая в гипертрофированных формах: потенциально опасный «чужой» превращается в реально смертельного врага, – отмечает Е.В. Сенявская, «расплывчатый образ оборачивается вполне конкретными проявлениями несчастий, происходящими от чужого. Отсюда и преобладание эмоционально-субъективного начала в оценках противника: те его качества, которые у своих оцениваются как исключительно позитивные, рассматриваются, как правило, в негативном ключе» [17].

«Образ врага» имеет визуальный характер; он призван заместить собой в коллективном сознании реальный образ представителя другой страны или другой национальности [4].

В общественном сознании враг связывается исключительно с отрицательными характеристиками, которые сознательно гипертрофируются официальной пропагандой. При этом, как полагает Е.В. Сенявская, механизм конструирования образа врага универсален: он направлен на обоснование своей правоты в войне (подчеркивание агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.д.). И то и другое достигается путем противопоставления своим собственным качествам, которые рассматриваются как позитивные ценности [16].

«Образ врага» выполняет компенсаторскую функцию, консолидируя общность «мы» для решения какой-нибудь проблемы [14]. Ведь именно в образе врага в массовом сознании ассоциируются все несчастья и беды, нарастание дискомфорта состояния, развал обычного образа жизни, всего общества в целом. Функции врага заключаются в том, чтобы: 1) быть условием (тотальной) постоянной, но исторической мобилизации общества для обороны страны; 2) задавать взаимосоотнесенные фокусы негативной идентификации; 3) «канализировать» страх и отводить ответную агрессию в надлежащее русло в соответствии с гласными и негласными распоряжениями; 4) дробить, обеспечивать парцелляцию индивидуального сознания с целью подавить критическое, рациональное мышление, добиться полного торжества индивидуально-го и коллективного сознания [3].

В XX в. «образ врага» – расового или классового становился важной частью тоталитарных идеологий и масштабных пропагандистских компаний, служил обоснованием репрессий против различных социальных, этнических, религиозных групп и любого инакомыслия [5].

В годы Первой мировой войны в общественное сознание активно внедрялся «образ врага», создаваемый идеологией и пропагандой государства, а так же различными общественно-политическими силами. В массовой культуре укоренились отрицательные образы «внешнего врага», в лице лидеров стран с которыми воевала Россия [9].

Основными излюбленными персонажами насмешек и брани стали Вильгельм II, Франц-Иосиф и турецкий султан. Поскольку в период военного конфликта главным противником России была Германия, то негативные стереотипы получили максимальную концентрацию в образе немца-врага, олицетворением которого стала фигура Вильгельма II. Произведения массовой культуры – лубки и открытки, вызывали в отношении немцев устойчивые ассоциации, переносили эти негативные стандарты на германского императора. Враг унижался в произведениях всякими способами, для того в первую очередь умалялась его сила и мужество. На страницах периодической печати Вильгельм II предстает слабоумным человеком, примеряющим на себя роли величайших полководцев древности. Так, в «Северокавказском крае» (июль 1914 г.) был опубликован фельетон следующего содержания: «накануне объявления войны к дворцу императора в Берлине подвели дикого фессалийского коня Буцефала. Юный пятидесятилетний император Вильгельм вскочил на коня и скрылся из виду. Когда же Вильгельм вернулся, Буцефал был уже усмирён и кричал все время «Хох, Вильгельм!» – Мы, немцы, никого не боимся! С этого дня Вильгельм стал популярным в народе под именем Александра Македонского» [15].

Во многих художественных произведениях времен Первой мировой войны Германия как военный противник и инициатор развязывания кровавого конфликта аллегорически изобразилась в виде жадной и разнузданной проститутки и высмеивалась. В плакатах и лубках, в сатирических стихах, немцам, особенно Вильгельму II приписывались такие качества как «трусость», «глупость», «заносчивость».

Перенос негативных стереотипов на воюющие с Россией страны способствовал стабилизации социально-политической ситуации внутри страны: не случайно практически во всех мемуарах и воспоминаниях отмечается, что начало войны было временем священного единения правительственной власти и народа, хотя предвоенные события 1912–1914 гг. связаны с нарастанием революционной ситуации в стране.

По замечанию О.А. Сухой, «первоначально в связи с актуализацией традиционного восприятия военной действительности происходила и трансформация соответствующих элементов политического идеала. Образ «немца» содержал в себе концентрированное выражение представлений обо всех негативно окрашенных внешних враждебных силах. Вызывая негативно окрашенные оценочные суждения, этот образ этот становится необходимым элементом в системе способов регуляции предельных психологических состояний» [18].

Однако по мере поражений русской армии на фронтах, оставления российских земель, гибели тысячи людей вносятся существенные коррективы в образ врага. Как и их кайзер, немцы стали изображаться «кровожадными зверями», подчеркивается необходимость физического уничтожения врага. Неоднократно подчеркивалось, что противники ведут военные действия запрещенными методами – разрывными пулями, ядовитыми газами и безжалостно расправляются с мирными жителями оккупированных территорий: «Председатель чрезвычайной следственной комиссии доводит до всеобщего сведения, что допрошенный ... бежавший в Россию бывший рядовой одного из германских полков... показал, что наиболее «кровожадные» из его товарищей по полку употребляли в боях с русскими пули с перевернутыми концами вперед» [15].

Власть активно принимала антинемецкие меры. Восприятие «образа внешнего врага» сопровождалось усилением националистических и шовинистских настроений по всей стране. Переименование Санкт-Петербурга, ряда улиц и массовая замена немецких фамилий, имен и отчеств на русские создавали прецедент символического переворота. В конце 1914–1915 гг. немецкие погромы были зафиксированы и в ряде городов, населенных пунктов и Северного Кавказа. Чтобы освободиться от «немецкого засилья», в регионе, как и повсеместно, были переименованы немецкие поселения [1]. Отчасти подобное отношение населения и властей к поданным вражеской страны, можно объяснить со стремлением у жителей Северного Кавказа уничтожить «внутреннего врага» в лице немцев и австрийцев, имевшим поместья и предприятия в регионе, решить, таким образом, земельный вопрос [1].

В приказах по Кубанской области и Черноморской губернии «О выселке неблагополучных лиц» часто встречаются наряду с революционными агитаторами и фамилии немецких колонистов, уличенных в распространении ложной информации или противоправительственной, шпионской деятельности [2].

Однако затягивание военных действий, социально-экономическая нестабильность в стране, кризис власти способствует трансформации «врага внешнего» во «врага внутреннего». Под «внутренним врагом» или «врагом народа» в общественном сознании понимались германские шпионы, консервативные и праворадикальные политические силы. Подобное изменение приоритетов было обусловлено развитием революционного кризиса в стране. В ситуации общественного конфликта приходят в действие социально-психологические механизмы поляризации: формирование образа внутреннего врага, наделяющее смыслом, оправдывающее враждебные настроения и действия по отношению к противнику. Таким образом, представители общности «мы» становятся не только традиционными носителями добра, но и субъектом политического действия [13].

Поражения на фронте, продовольственный, транспортный, топливный кризисы показывали, что правительство не в состоянии справиться с основными задачами управления в условиях войны. Доходящие до солдат и тылового населения известия о постоянной смене министров, противостоянии правительства и Думы, росте забастовочного движения формировали у них представление, что власть не в состоянии обеспечить внутренней стабильности, слаба и непоследовательна в осуществлении своей политики. Это порождало кризис доверия к власти. Царя обвиняли в немецком засилье, вызвавшем войну, бедах, которые эта война породила. После того, как в 1915 г. российский император принял пост верховного главнокомандующего, в общественном сознании он стал ответственным и за отступление русских войск, поте-

рю территории и гибель миллионов людей. Таким образом, постепенно происходила десакрализация образа монарха. Поскольку императрица имела родственные связи с немецкой правящей династией и обладала заметным для общества (во многом преувеличенным) влиянием на царя (что противоречило авторитарно-патриархальной народной традиции, с одной стороны, и намерениям некоторых политических кругов оказывать определенное давление на императора, с другой), ее фигура оказалась крайне непопулярной в глазах населения.

Именно неспособность властей решить экономические и политические проблемы привела к тому, что уровень доверия к власти у населения резко упал. Недовольными оказались различные слои социума, ранее никогда не объединявшиеся для решения своих социальных целей. Ненависть к монархии объединила их на какое-то время. Когда в массовом сознании укореняется слух о том, что «везде царит измена», значит, смута уже наступила и нравственность достигла своей наивысшей точки отчуждения в жизни целого народа. Среди интеллектуальной элиты (особенно ее политизированной части) вызревали идеи «дворцового переворота» – как самого наименее кровопролитного варианта русской национальной истории и зрели тайные общества.

После Февральской революции одним из направлений политической пропаганды была своеобразная реставрация образа «внешнего врага», направленная на продолжение военных действий с Германией. Был создан образ «немецкой гидры», которая угрожала революции и свободе. Наибольший эффект имела демонстрация в средствах массовой информации жестокости немецких войск и антигуманных методов ведения войны противником.

Под влиянием новой социально-экономической ситуации в стране весной – летом 1917 г. в периодической печати появляется множество анекдотов, памфлетов, карикатур, которые высмеивали не столько противника как «врага внешнего», сколько социально-политические силы внутри страны как «врага внутреннего». Ю. Д. Коробков отмечает, что господство в российском общественном сознании инверсионной логики, выразившееся после Февраля 1917 г. в стремлении к тотальному разрыву с прошлым, сопровождалось колоссальным выплеском ненависти по отношению к символам старого строя [8]. Теперь всевозможными способами умалялись институты сверженной монархии и ее управленческий аппарат. Царские чиновники были представлены в образах гонителей свободы и демократии, а представители генералитета и офицерство – беспробудными пьяницами.

Персонификация абсолютного зла в образах российских монархов и династии в целом моментально отразилась в народной смеховой культуре и бульварной литературе, найдя отражение в частушках и «мужичьих выморочках» о царе и его жене – «Гессенской мухе», «Распутном Григории», «фрейлине Вырубихе», «предателе Сухомлинове». На страницах периодических изданий можно было достаточно часто встретить анекдоты и байки из «прошлой жизни» царского двора, раскрывающие продажность и глупость российского монарха, национального предательства и немецкого засилья, которые зачастую не имели под собой реальной основы. Анализируя архивные материалы, О.С. Поршнева пришла к выводу, что в 1915–1917 гг. в мотивах народного недовольства появились новые нюансы: императору стали приписывать беспробудное пьянство, появляется сравнение царя с умственно отсталыми крестьянами [13]: «Как у нас царица с Невского девица. Народ, Россию продавала своим, а с Гришенькой советовалась. А безвольный Николай ездил на фронт. – Поднимать дух армии. И поднимал. Бутылка за бутылкой спораживалась. Насвистывал песенки веселый Николай, бормотал Федерикс и зычным голосом зывал к царю Военков – Едем к Вильгельму! Пьяный царь уснул и проспал подходящий момент. Россия спасена!» [10].

После Февральской революции активно обсуждается тема взаимоотношения царской семьи с Григорием Распутиным. Уже с конца 1915 г. среди солдат была популярна присказка: «Царь с Егорием, а царица с Григорием», воплощавшая не только карикатурный образ власти, но и ненависть к старому, «прогнившему режиму», слу-

жившему даже на примере царской семьи воплощением разврата, чуждого традиционной крестьянской ментальности. На страницах периодической печати утверждалось, что «старец» находился не только в интимных отношениях с императрицей, но и с ее дочерьми [11].

Боязнь и нежелание реставрации монархии в обыденном сознании обусловила появление психологического комплекса «расплаты за старые грехи». Для расследования противозаконных по должности действий бывших министров высших должностных лиц Временным правительством была образована Чрезвычайная следственная комиссия. Начинается компания по выявлению и осуждению «секретных сотрудников охраны - провокаторов», независимо от их политической принадлежности. В центральных и местных газетах публиковались разоблачительные статьи, в которых недвусмысленно деятельность охранных отделений и их сотрудников оценивалась как предательская [8, с. 128]. Опасность для нового строя, якобы происходящая от бывших сотрудников охранного отделения, была признана на государственном уровне – создаются специальные комиссии, в обязанности которых входило «принятие мер к обезвреживанию предателей».

Однако за время своей деятельности Временное правительство не смогло решить сложную социально-экономическую ситуацию в стране, упорядочить жизнь и прекратить ненавистную войну. Кризисы государственной власти рассеивали иллюзию о способности и коалиционных составов правительства нормализовать ситуацию внутри страны. Рождался миф о врагах революции и в политическом сознании большинства населения страны еще задолго до октября 1917 г. начинается переориентация «образа внутреннего врага» с бывших царских чиновников на представителей буржуазии. Тема «буржуя», в которую вкладывались негативные характеристики, часто стала встречаться в фольклоре, сатире, пародиях.

В массовом сознании периода Февральской революции термин «буржуй» наделялся самыми многочисленными, иногда противоречивыми трактовками [6]. Довольно часто этим словом называли просто зажиточных людей. В повседневном общении слово «буржуй» использовали как ругательство, неся комбинированную социально-политическую и морально-оценочную нагрузку. Современники отмечали, что широкое употребление этого слова объясняется «его политическими удобствами», и смысловая нагрузка изменяется по обстоятельствам: «Буржуазия – это тот класс, который держит в своих руках средство производства продуктов и их распределение и благодаря этому эксплуатирует трудовые классы, рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию. Но у нас теперь в определении, что такое буржуй, наступила полная неразбериха. Выходит так: «Не тот буржуй, кто буржуй и не тот не буржуй, кто не буржуй, а тот буржуй, кто и не буржуй, да буржуй!» [15].

К осени удар по буржуазии воспринимался как единственное средство решения социально-экономических проблем, а уничтожение власти буржуазии – как единственно приемлемая панацея. Высмеивание буржуазности того или иного политического деятеля происходило и на страницах либеральных периодических изданий. Появление подобного клише в системе мыслительных стереотипов коллективного сознания указывало на наличие определенной особенности восприятия политической деятельности. В условиях тотальной дезориентированности народных масс «антибуржуйское сознание» превращалось в категорию, способствовавшую прочтению непонятных событий и явлений, их переводу в привычную для крестьянского мира систему понятий, расшифровывавшую смысл вызовов, идущих от внешнего мира. «Содержание «антибуржуйского настроения» вмещало в себя образы враждебных или незнакомых крестьянству сил, осуществляя перенос значения на несовместимые по смысловым характеристикам понятия» [18].

Распространение подобных настроений, в формировании которых принимали участие различные социальные силы, происходило на фоне развертывания в стране социальных противоречий. «Буржуазия» превращалась в универсального социального врага,

оттесняя на задний план «врага внешнего». И эта тенденция, в конечном счете, способствовала укоренению в политическом сознании стереотипов гражданской войны.

После поражения выступления генерала Л. Корнилова контрреволюционерами, «внутренними врагами» были заклеены конституционные демократы. По всей стране прокатилась борьба с контрреволюционной печатью, коснувшаяся изданий этой политической силы. Эта политика оказала в конечном итоге негативное воздействие на ослабление влияния буржуазии и правительственной печати на события в стране и в армии. На Кубани после того, как конституционные демократы поддержали выступление Л. Корнилова, стали именоваться «контрреволюционерами». Придя к власти, большевики объявили «врагами народа» союзников кадетов по Временному правительству социалистические партии меньшевиков, эсеров.

Подытоживая роль образа врага в общественном сознании в период Первой мировой войны, Е.В. Сенявская отмечает, что в это время существовало два основных образа врага. Первый, «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, «бытовой», возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря – военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли, по мнению исследователя, такие факторы как продолжительность и ход войны, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем более «мобильным был именно второй образ» [18].

Таким образом, «образ врага» поддерживается, пока он необходим либо существующей власти, либо оппозиционным силам. Выполнив определенную задачу в политической сфере, он утрачивает свою актуальность и может быть, затем в дальнейшем востребован новыми политическими силами. Влияние «образа врага» приводит к негативным последствиям для внутренней жизни страны; складывается режим всеобщей подозрительности, шпиономании, подавления инакомыслия. В ходе войны утвердилась мысль о беспомощности царского правительства, и даже ещё более крамольная мысль о его преступной деятельности. «Внутренним врагом» оказалось своя же собственная власть. Причем такая трактовка устраивала различные политические силы, борющиеся за власть – от либералов до большевиков. При этом элиты соперничавших за власть сторон не чурались фальсификации и спокойно относились к снижению нравственной планки в профессиональной политической деятельности [7, с. 4–5]. Мифологизированный образ врага в период Первой мировой войны расколол общество, привел к деформированию политической культуры и собственной идентичности.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102, 3-е делопроизводство. – Оп. 173. – Д. 10. – Л. 21, 28.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) – Ф. 101. – Оп. 4. – Д. 574. – Л. 277.
3. Гудков А. Образ врага. Социология / А. Гудков. – Москва, 2005. – С. 39
4. Гусева С. А. Современный политический миф: игра по законам архаики / С. А. Гусева. – Режим доступа: <http://www.freud.by.ru/pades/guseva.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР / под ред. В. В. Шелохаев. – Москва, 2002. – С. 26.
6. Карабушенко П. Л. Мифология смутного времени: предисловие к монографии Т. А. Корниенко. Политическая реальность: диалектика мифологического и специфика политического (на материалах Юга России периода Первой мировой войны) – Москва : ООО «ЦИУМиНЛ», 2009. – С. 4–5.
7. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. / Б. И. Колоницкий. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 65.
8. Коробков Ю. Д. Между двуглавым орлом и красным знаменем. Общественное сознание российского общества в 1917 г. / Ю. Д. Коробков. – Магнитогорск, 2000. – С. 128.
9. Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. / И. Нарский. – Москва, 2001. – С. 392.

10. Отклики Кавказа. – 5 марта 1917. – С. 3.
11. Отклики Кавказа. – 14 марта 1917. – С. 3.
12. Политология. Энциклопедический словарь. – Москва, 1993.
13. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение крестьян, рабочих и солдат в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2000. – С. 108–121.
14. Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология / А. Савельев. – Москва, 2007. – С. 11.
15. Северокавказское слово. – 25 июля 1917. – С. 3.
16. Сенявская Е. В. Противники России в войнах XX в. Эволюция образа врага в сознании армии и общества / Е. В. Сенявская. – Москва, 2008. – С. 62.
17. Сенявская Е. В. Психология войны в XX в.: Исторический опыт России / Е. В. Сенявская. – 1999. – С. 251.
18. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания / О. А. Суханова. – Москва, 2008. – С. 460.
19. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. : автореф. дисс. ... канд. истор. наук / А. В. Фатеев. – Москва, 1998. – С. 3.

References

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF). – F. 102, 3-e deloproizvodstvo. – Op. 173. – D. 10. – L. 21, 28.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya (GASK) – F. 101. – Op. 4. – D. 574. – L. 277.
3. Gudkov A. *Obraz vruga. Sotsiologiya* / A. Gudkov. – Moskva, 2005. – S. 39
4. Guseva S. A. *Sovremennyy politicheskiy mif: igra po zakonom arkhaiki* / S. A. Guseva. – Rezhim dostupa: <http://www.freud.by.ru/pades/guseva.shtml>, svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
5. *Istoriya politicheskikh repressiy i soprotivleniya nesvobode v SSSR* / pod red. V. V. Shelokhaev. – Moskva, 2002. – S. 26.
6. Karabushchenko P. L. *Mifologiya smutnogo vremeni: predislovie k monografii T. A. Kornienko. Politicheskaya realnost: dialektika mifologicheskogo i spetsifika politicheskogo (na materialakh Yuga Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny)* – Moskva : OOO «TsIUMiNL», 2009. – S. 4–5.
7. Kolonitskiy B. I. *Simvolyy vlasti i borba za vlast: K izucheniyu politicheskoy kultury rossiyskoy revolyutsii 1917 g.* / B. I. Kolonitskiy. – Sankt-Peterburg, 2001. – S. 65.
8. Korobkov Yu. D. *Mezhdru dvuglavym orlom i krasnyy znamenem. Obshchestvennoe soznanie rossiyskogo obshchestva v 1917 g.* / Yu. D. Korobkov. – Magnitogorsk, 2000. – S. 128.
9. Narskiy I. *Zhizn v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* / I. Narskiy. – Moskva, 2001. – S. 392.
10. Отклики Кавказа. – 5 марта 1917. – С. 3.
11. Отклики Кавказа. – 14 марта 1917. – С. 3.
12. Политология. Энциклопедический словарь. – Москва, 1993.
13. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение крестьян, рабочих и солдат в годы Первой мировой войны / О. С. Поршнева. – Екатеринбург, 2000. – С. 108–121.
14. Савельев А. Образ врага. Расология и политическая антропология / А. Савельев. – Москва, 2007. – С. 11.
15. Северокавказское слово. – 25 июля 1917. – С. 3.
16. Сенявская Е. В. Противники России в войнах XX в. Эволюция образа врага в сознании армии и общества / Е. В. Сенявская. – Москва, 2008. – С. 62.
17. Сенявская Е. В. Психология войны в XX в.: Исторический опыт России / Е. В. Сенявская. – 1999. – С. 251.
18. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания / О. А. Суханова. – Москва, 2008. – С. 460.
19. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде 1945–1954 гг. : автореф. дисс. ... канд. истор. наук / А. В. Фатеев. – Москва, 1998. – С. 3.